

Гессеевой (2 Цар. XIX, 13), а впоследствии завещалъ Соломону послѣ смерти его, Давида, убить Иоава (3 Цар. II, 5—6), что и было исполнено Соломономъ.

Епископъ Антоній.

(Продолженіе будетъ).

У Б А Т Ю Ш К И С Е Р А Ф И М А

I

Громкимъ эхо пронеслась по всей землѣ русской вѣсть о предстоящемъ открытіи мощей преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца. Встрепенулся православный русскій народъ, своимъ чуткимъ сердцемъ давно уже причислившій о Серафима къ лику св. угодниковъ Божіихъ. Глубокій радостный вздохъ вырвался при этой вѣсти изъ груди каждою вѣрующаго человека. Всѣ увидѣли здѣсь особенное проявленіе милости Божіей Православной Россіи и особенно въ наши дни,—дни огульнаго отрицанія и порицанія всею священнаго, чудеснаго, божественнаго. Не могъ не радоваться русскій человекъ появленію новаго молитвенника предъ престоломъ Божіимъ, еще не такъ давно жившаго среди дѣдовъ нашихъ. Не могъ онъ не откликнуться на эту радостную вѣсть и личнымъ посещеніемъ св. обители, приютившей въ себѣ св. останки преподобнаго старца. И вотъ, досель безмолвный Саровскій лѣсъ зашумѣлъ... Нарушился его дивный покой вѣковой, нарушилась его многорѣчивая глубокая тишина, нарушилось его святое безмолвіе... Ожилъ Саровскій лѣсъ—великанъ. Уже не узкія тропинки прихотливо извиваются по нему, а широкія, прямыя дороги изрѣзываютъ его могучую грудь по всѣмъ направленіямъ. Не молчаливые, со смиренно поникнутыми главами, насельники Саровскіе бредутъ, ища уединенія, въ глубь лѣса: огромныя толпы богомольцевъ нескончаемой вереницей тянутся со всѣхъ сторонъ къ стѣнамъ св. обители. Не одну сотню и даже тысячу верстъ прошли они съ котомками на плечахъ и съ палочками въ рукахъ,—и одежда ихъ поносилась, и обувь истрепалась, и лица ихъ загорѣли отъ солнца, и ноги уже одеревенѣли отъ продолжительной ходьбы,—но свѣтелъ взоръ каждою изъ нихъ, радостно выраженіе лица,

велико желаніе еще идти и идти безъ отдыха, лишь бы поклониться батюшкѣ Серафиму и облобызать его св. мощи.

Выносливъ рускій богомолецъ... Идетъ онъ безъ особеннаго утомленія и въ Соловки, и къ святителю Иннокентію Иркутскому, побываетъ и въ Москвѣ бѣлокаменной, и въ Кіевскихъ пещерахъ; сходитъ онъ и къ Троице-Серію, и къ Черниговскимъ святынямъ. Устанутъ ноги, онъ запоетъ „Заступницу усердную“,—и усталости какъ не бывало: ноги сами понесутъ его къ св. мѣстамъ. Палитъ его солнце, мочитъ дождь,—а онъ соирѣвается усиленной ходьбой и благочестивыми размышленіями о трудныхъ подвигахъ св. угодниковъ. Голодъ и жажда мучитъ его, а онъ идетъ себѣ да идетъ, подбодряя себя и друиыхъ товарищей радостнымъ сообщеніемъ, что скоро конецъ ихъ пути, скоро цѣль путешествія, что вотъ-вотъ заблестятъ золотые кресты въ св. обители. И весело будетъ у каждаго на душѣ. Не чувствуетъ уже никто ни усталости, ни жажды, ни холода, ни голода. Всѣхъ воодушевило, всѣхъ объединило одно стремленіе—въ св. обитель, идѣ покоятся св. мощи праведника, идѣ удалившіеся отъ суетнаго міра иноки благочестивые несутъ молитвенные подвиги за грѣшный родъ людской. Однимъ этимъ стремленіемъ проникнуты всѣ богомольцы, хотя собрались они „отъ запада и съвера и моря и востока“, хотя рѣзко отличаются они и костюмами, и рѣчью. Кто они, откуда?—спросите ихъ. И они отвѣтятъ вамъ:

..... „Я оттуда, идѣ струится тихій Донъ—краса полей“ ...

..... „Я оттуда, идѣ клубится безпредѣльный Енисей“ ...

..... „Край мой теплый берегъ Евксина“ ...

..... „Край мой берегъ тѣхъ дальнихъ странъ,

Гдѣ одна сплошная льдина

Оковала океанъ“ ...

..... „Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,

Въченъ блескъ его снѣговъ;

Тамъ страна моя родная“ ...

..... „Мнѣ отчизна старый Псковъ“ ...

..... „Я отъ Ладогѣ холодной“ ...

..... „Я отъ синихъ волнъ Невы“ ...

..... „Я отъ Камы многоводной“ ...

..... „Я отъ матушки Москвы“ ...

II

Имя о. Серафима мнѣ знакомо съ ранняго дѣтства. Первая книга, какую я сталъ читать послѣ азбуки, была—„жизніе старца Серафима Саровскаго“... Какъ сейчасъ помню я картинку, помѣщенную въ началѣ книжки и изображавшую о. Серафима сгорбленнымъ старичкомъ, съ топорикомъ въ правой и мѣшечкомъ въ лѣвой рукѣ: это батюшка Серафимъ направлялся изъ Сарова въ свою дальнюю пустынку. Другая картинка,— какъ о. Серафимъ кормилъ изъ своихъ рукъ медвѣдя,—представляла для меня особенный интересъ необычайностью своего содержанія. Я видалъ медвѣдей, которыхъ водили на цѣпяхъ татары,—подавалъ имъ чрезъ вожаковъ куски хлѣба,—но чтобы кормить медвѣдя, не привязаннаго на цѣпь, да еще въ глухомъ лѣсу и прямо изъ своихъ рукъ,—это мнѣ казалось верхомъ безстрашія со стороны св. старца и я все опасался, что вотъ-вотъ медвѣдь схватитъ его за руку и заѣстъ самого его. Случай-же съ маленькимъ Прохоромъ, когда онъ упалъ съ высокой колокольни и остался невредимъ, соблазнялъ меня къ подражанію и я, забравшись однажды на колокольню, собирался уже броситься оттуда на землю, но, къ счастью моему, не могъ перелѣзти чрезъ деревянную рѣшетку, вставленную въ окно.

Чѣмъ ближе подѣзжалъ я къ Сарову, тѣмъ больше было спутниковъ туда. Въ дорогѣ быстро и легко знакомятся. А тутъ еще—этому способствовала общая цѣль путешествія. Скоро всѣ перезнакомились между собою и составили группы, кто какъ рѣшилъ отправиться со станціи желѣзной дороги до Сарова: кто пѣшкомъ, кто на лошадяхъ, кто чрезъ Понетаево, кто на Дивѣвскій монастырь. Не доѣзжая до Сарова 4—5 верстъ, путники вступаютъ въ густой сосновый лѣсъ, широкимъ кольцомъ охватившій Саровскую пустынь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на 20—30 верстъ. Величаво стоятъ эти великаны—живые свидѣтели благочестивыхъ трудовъ о. Серафима. Са-

мое безмолвіе ихъ глубоко дѣйствуетъ на душу, какъ-бы подготавливая всѣхъ къ посѣщенію обители св. старца, съ великой радостью и любовью встрѣчавшаго всѣхъ и каждою. Такъ и кажется, что вотъ онъ самъ выйдетъ на дорожку въ своемъ бѣломъ балахонѣ, съ мѣднымъ крестомъ на шею, и въ лиловыхъ лапоткахъ на ногахъ. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ послышится его ласковый голосъ: „радость моя“...

Скоро послышался звонъ. Гулко отозвался ударъ колокола въ молчаливомъ лѣсу. Всѣ благоговѣнно перекрестились. Еще нѣсколько минутъ и — взорамъ нашимъ представился монастырь, расположенный на высокомъ берегу небольшой рѣчки и обнесенный кругомъ каменной стѣной. Торжественный благовѣстъ разносился съ очень высокой колокольни по всей окрестности, нарушая тишину пріятными звуками. Золоченныя главы церкви ярко сіяли въ лучахъ утренняго солнца.

Начинался монастырскій день. Одна служба чрезъ небольшой промежутокъ смѣнялась другою, другая — третьей и т. д., пока исполненіемъ монастырскаго уставнаго вечерняго „правила“ не заканчивалась общественная молитва иноковъ. Тогда монастырь затихалъ, не смотря на то, что было только еще около 8 часовъ. Монашествующая братія молча расходилась по келліямъ до слѣдующаго звона — къ утрени, въ 2 часа ночи. Этотъ обычный порядокъ Саровской пустыни неизмѣнно соблюдался до дней торжества по случаю открытія св. мощей преподобнаго Серафима. Теперь иноки радушно встрѣчали прибывающихъ на торжество богомольцевъ, число которыхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, пока не достигло 300—400 тысячъ. Больше сотни огромныхъ бараковъ было выстроено кругомъ Сарова, такъ что въ одномъ мѣстѣ образовался „городокъ“, идъ было потомъ богомольцевъ до 100 тысячъ, если не больше. Всѣ гостиницы и всѣ бараки были переполнены. Множество народа, группами и въ одиночку, размѣстились прямо въ лѣсу и особенно на берегахъ рѣчекъ — Сатиса и Саровки. Теплая и сухая погода благопріятствовала этому. По вечерамъ можно было наблюдать чудныя картины.

На берегу рѣчки разложены костеръ. На огонь грѣется чайникъ съ водой. Кругомъ костра въ разныхъ позахъ распо-

ложились паломники. Одинъ читаетъ „житіе о. Серафима“; остальные слушаютъ, прерывая чтеніе лишь глубокими вздохами. Вскипѣла вода, путники готовятъ себѣ чай, составляющій для большинства весь обѣдъ и ужинъ. Многіе довольствуются однимъ хлѣбомъ и водой прямо изъ рѣки. Въ другомъ мѣстѣ, при слабомъ свѣтѣ огарка восковой свѣчки, какая-то черничка читаетъ по складамъ акаѳистъ Божіей Матери, а присутствующіе при этомъ благоговѣнно молятся и поютъ воодушевленно ангельскую пѣснь „радуйся, невѣсто невестная“... Пѣніе это не поражаетъ ни стройностію, ни голосами, — но глубоко-глубоко проникаетъ оно въ душу. Многіе не могутъ выговорить словъ: сердце ихъ переполнено благоговѣйнымъ чувствомъ. Почти у всѣхъ на глазахъ слезы. Но это слезы какой-то неизъяснимой радости, какой-то особенной восторженности. Отъ этого и неискusstvenное пѣніе пріобрѣтаетъ особую прелесть. А вотъ въ этой группѣ идутъ рассказы о чудесахъ по молитвамъ о. Серафима. Тамъ слышится пѣніе великаго слово-словія, въ другой сторонѣ — пасхальныхъ стихиръ... Невольно приходятъ на память слова пасхальнаго канона: „воистину священная и всепразднственная сія спасительная ночь“... Такая ночь приближалась: она была съ 18 на 19 іюля.

(До слѣд. №).

Открытие приходскаго Братства.

13-го іюля сего года происходило открытіе приходскаго Братства при градо-Тобольской Петропавловской церкви. Нужда въ открытіи Братства назрѣвала издавна. Приходъ Петропавловской церкви г. Тобольска одинъ изъ бѣдныхъ приходо-въ епархіи. Онъ былъ таковымъ съ самаго своего основанія. Прихожанами его состоятъ преимущественно мелкіе ремесленники и земледѣльцы — народъ бѣдный. При всемъ своемъ желаніи они не имѣютъ возможности значительно помочь своему храму въ его содержаніи, ремонтъ и т. п. Храмъ не въ состояніи вносить на нужды епархіи всѣхъ сборовъ, причитающихся съ него по постановленію общенархіальнаго съѣзда духовенства.

бы мы старались въ дѣлѣ усердія своего всегда угодобляться евангельской вдовицѣ: она пожертвовала на храмъ всего лишь двѣ лепты, но эти двѣ лепты пріобрѣли въ глазахъ Спасителя несравненно большее значеніе, чѣмъ жертвы другихъ людей, такъ какъ исходили изъ чистаго сердца и заключали въ себѣ все имѣніе бѣдной вдовицы, и усердію вдовицы устами Господа Іисуса была воздана похвала...

Итакъ жертвуйте, братіе христіане, на храмъ Божій каждый по своимъ средствамъ, не стѣняясь количествомъ самой жертвы, въ полной увѣренности, что жертвы ваши никогда не останутся безъ награды: еще и при жизни своей вы услышите моленія, возносимыя въ храмъ о всѣхъ „плодоносящихъ и добродѣющихъ“ въ немъ, а по смерти вашей, по прошествіи времени, когда друзья и всѣ родственники ваши также умрутъ и ваша память готова будетъ исчезнуть совсѣмъ съ лица земли, не гдѣ-либо, а именно здѣсь же, во св. храмъ, вы не будете забыты: здѣсь въ храмъ, пока будетъ стоять онъ, не престанутъ возноситься о васъ ко престолу Всевышняго горячія моленія и вѣрьте, что дойдутъ до Господа Бога эти непрестанныя молитвы и ради ихъ много грѣховъ вашихъ простится.

Господи, Боже нашъ! Освяти любящихъ благолюбіе Дома Твоего, Ты тѣхъ воспрослави божественною Твоею силою и св. храмъ сей утверди до скончанія вѣка, да выну славится въ немъ Пресвятое имя Твое Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Священникъ градо-Курганскаго собора Романъ Горбуновъ.

У БАТЮШКИ СЕРАФИМА*).

III.

Тысячепудовый колоколъ торжественно зазвучалъ. Начинаясь всенощная въ присутствіи Государя Императора, Государынь Императрицъ и прочихъ Особъ Царской Фамиліи, прибывшихъ въ Саровъ. Невозможно передать тою восторга, какой охватилъ весь народъ съ прибытіемъ Высочайшихъ боюмольцевъ. Вотъ идѣ сказалаась глубокая любовь и преданность — „до послѣдней капли крови“ — русскаго народа къ своему Батюшкѣ-Царю. Онъ Самъ съ Своей Супругою, Матерію, Сестрой и Дядею — прибылъ къ

*) См. № 18 «Тол. Епарх. Вѣдом.» с. г.

батюшкѣ Серафиму. Онъ Самъ благоговѣнно преклоняетъ колѣна предъ гробомъ со св. останками угодника Божія, Онъ Самъ да еще пшikomъ поспѣваетъ и источникъ преподобнаго, и камень, гдѣ онъ молился въ теченіе 1000 дней, и дальнюю пустынку его. Онъ, какъ любвеобильный отецъ, является среди своихъ подданныхъ чадъ на Саровскихъ торжествахъ, которыя имѣютъ такое громадное значеніе—особенно для нашего времени. И какое обаяніе произвело на народъ это Царское поспѣваніе,—трудно передать. Здѣсь особенно рельефно выразилась глубокая связь Нашего Царствующаго Дома съ народомъ русскимъ,—связь, основанная на православіи и крѣпкая именно православіемъ.

Былъ чудный тихій вечеръ. Сотни тысячъ богомольцевъ тѣснились кругомъ монастыря, размѣстившись кто какъ только могъ. Всѣмъ хотѣлось принять, хотя издали, участіе въ этомъ великомъ всероссійскомъ торжествѣ. Въ монастырскую ограду проникнуть было не возможно: она была полна народомъ. Особенно бросалось въ глаза множество больныхъ, которые собрались за алтаремъ лѣтняго собора. И какихъ только больныхъ здѣсь не было! Тутъ были и слѣпые, и хромые, и разслабленные. Тутъ неистовствовали бѣсноватые, кричали дикими головами „порченые“ и „кликуши“. Тутъ всевозможныхъ видовъ калѣки поражали своими уродствами: одинъ ползалъ на рукахъ, другой ходилъ на четверенькахъ, третій передвигался сидя, при помощи кружовыхъ движеній всего корпуса... Только каменное сердце могло развѣ остаться безчувственнымъ при видѣ этихъ несчастныхъ!.. Вотъ гдѣ можно было научиться цѣнить свою жизнь и дорожить здоровьемъ!.. Здѣсь же можно было научиться и молиться: съ какимъ усердіемъ и благоговѣніемъ, съ какою глубокою вѣрою молились эти больные, жаждавшіе небесной помощи. Не только у нихъ, а и у большинства зрителей—слезы лились изъ глазъ.

Весьма трогательная картина получилась, когда начался крестный ходъ, во время котораго всѣ стояли съ зажженными свѣчами. Въ стройномъ порядкѣ несли фонари, кресты и хо-

руви; шли пѣвчіе въ парадныхъ одеждахъ и сонмъ духовенства въ золотыхъ облаченіяхъ, сопровождаемый тремя архіереями и митрополитомъ Антоніемъ. За духовенствомъ слѣдовали Государь, Государыни, Великіе Князья и Княгини и множество народа. Прекрасное пѣніе митрополичьимъ хоромъ литійной стихирѣ раздавалось среди общей тишины. Приближались самыя торжественныя минуты. Ходъ остановился у церкви Зосимы и Савватія, гдѣ находились святыя останки преподобнаго Серафима. Въ храмъ вошли архіереи, архимандриты и Высочайшія Особы. Черезъ нѣсколько миновеній показался въ дверяхъ гробъ съ св. мощами, несомый Государемъ Императоромъ, Великими Князьями и двѣнадцатью архимандритами. Невыразимое волненіе охватило всѣхъ. Какъ по мановенію всѣ опустились на колѣна. Нѣтъ на языкѣ человѣческомъ такихъ словъ, которыми можно бы было передать душевное состояніе въ эти минуты. Весь народъ плакалъ. Это были слезы величайшей радости, глубочайшаго благоговѣнія, сердечнаго сокрушенія о своемъ недостойнствѣ и искреннѣйшаго молитвеннаго обращенія къ Богу и Его св. угоднику. Какъ изъ одной груди вырвался общій глубокій вздохъ. Уста замерли, сердце переполнилось неизъяснимымъ блаженствомъ. Все слилось въ единодушную молитву: „преподобне отче Серафиме, моли Бога о насъ“ ... Сколько благоговѣйнаго чувства, сколько глубокой вѣры въ небесную помощь, сколько надежды на милосердіе Божіе и заступничество св. угодника выразилось въ этихъ немногихъ словахъ! Съ особеннымъ дерзновеніемъ зывали къ преподобному больные. Когда крестный ходъ со святыми мощами проходилъ за алтаремъ лѣтняго собора, всѣ страждущіе, подобно евангельскому слѣпцу, возопили: „батюшка, о. Серафимъ“ ... „Преподобне отче Серафиме“ ... „Угодникъ Божій“ ... Нѣтъ! Невозможно передать того, что тутъ было... На другой день съ воодушевленіемъ вездѣ рассказывали, что большая часть больныхъ получили исцѣленіе и пошли за крестнымъ ходомъ въ общей толпѣ богомольцевъ. Дивна дѣла Твоя, Господи!...

IV.

Кончилось Саровское торжество, но не кончилось народное воодушевление, охватившее всю православную Россию. Богомольцы группами отправились в свои родные деревни, идя с восхищением будут рассказывать всем о том, что они видели и слышали. Не умолкнут они передавать о Саровских торжествах, о Батюшкѣ-Царѣ и Матушкахъ-Царицахъ, посѣщавшихъ вмѣстѣ съ народомъ святыя мѣста въ обители батюшки Серафима. Посмотрите, какимъ счастьемъ сияютъ все возвращающіеся изъ Сарова: они „сподобились“, по народному выражению, т. е. удостоились быть при прославленіи о. Серафима и при открытіи его мощей, на ихъ долю выпало великое счастье — воочию зрѣть дивныя дѣла Божіи, видѣть какъ-бы живаго батюшку Серафима, посѣтитъ его келлію, обѣ пустынки, источникъ. И это „сподобились“ — будетъ отражаться на трудникахъ богомольцахъ во всю ихъ жизнь. Всю жизнь они будутъ вспоминать великіе Саровскіе дни. Многіе вздоховъ сожалѣнія слышатъ они отъ своихъ присныхъ, не имѣвшихъ возможности побывать тамъ. Имя батюшки Серафима еще болѣе укрѣпится въ памяти народной, еще чаще будетъ раздаваться оно въ устахъ нашего народа, который онъ такъ глубоко и искренно любилъ. Тѣ счастливы, что получили въ Саровѣ благодатную помощь и исцѣленіе отъ своихъ недуговъ, явятся живыми свидѣтелями неизсякаемыхъ чудесъ благодати Божіей, ниспосылаемой свыше по молитвамъ о. Серафима. Эти прозрѣвшіе слѣпцы, эти заговорившіе нѣмые, эти хромые и разслабленные, сжевшии свои костыли или принесшии ихъ въ рукахъ на память о своей болѣзни, — что они могутъ иное сказать, какъ не это: „преславная днесь видѣхомъ во обители Саровской“ и „дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ“. А сколько благодатной помощи отъ батюшки Серафима получили тѣ страдальцы, которые были здоровы тѣломъ, но разслаблены душой, были больны сердцемъ своимъ, — тѣ, что были смяты бурями житейскими, невзгодами семейными, неудачами служебными, недостатками матеріальными!... Они не такъ замѣтны, какъ исцѣлившіеся слѣпые, хромые и разслабленные; но то душевное состояніе, какое они теперь пе-

реживаются, обновленные сердцемъ, окрыленные душой, уже не чувствующие всей тяжести житейскихъ тревоженій, — оно еще глубже впишетъ на скрижаляхъ сердца имя батюшки Серафима, никому не отказывающаго въ исполненіи полезной просьбы.

Отхлынула народная волна отъ Сарова, но на встрѣчу ей то и дѣло попадаются все новыя и новыя толпы богомольцевъ, хотя уже и не столь многочисленныя, какъ раньше. И домо-домо не прекратится въ Саровъ этотъ притокъ народной волны. И дай Богъ, чтобы русскій народъ не ослабѣвалъ въ своей вѣрѣ, не ослабѣвалъ въ своемъ почитаніи угодниковъ Божіихъ, явленныхъ и вновь являемыхъ въ церкви православной. Этой вѣрой и живъ нашъ народъ, ею онъ и крѣпокъ, ею онъ и защищенъ отъ тѣхъ непрошенныхъ и непризванныхъ учителей, которые стараются „просвѣщать“ нашъ темный людъ. Темень нашъ народъ въ отношеніи внешней культуры, но свѣтелъ онъ своей чистой вѣрующей душой, просвѣщенъ онъ не книжной мудростію, а благодатію Божіей, неоскудно изливаемой по молитвамъ святыхъ угодниковъ, къ которымъ въ простотѣ сердца обращается нашъ народъ. Ради этихъ народныхъ молитвъ, ради этого народа и прославилъ Господь нынѣ преподобнаго старца Серафима, воздвигъ новаго ходатая за Русь православную въ лицѣ Саровскаго чудотворца. Убогъ и смиренъ былъ этотъ угодникъ во время земной своей жизни; но славенъ и великъ онъ теперь, дерзновенно предстоя Престолу Царя Небеснаго и поживая св. останками своими на родной землѣ.

Священникъ Николай Богословскій.

УКАЗАТЕЛЬ

для обозрѣнія вещественныхъ памятниковъ Тобольскаго церковнаго древлехранилища.*)

9. Дарохранилищница.

1. Деревянная дарохранилищница (по хрон. оп. № 123), ветхая

*) См. № 7 «Тоб. Еп. Вѣд.» с. г.